

ЗАКОН БУМЕРАНГА

ИСТОРИЯ, ПОХОЖАЯ НА СКАЗКУ

Действующие лица:

Наши дни:

Андреевна, старшая медсестра

1-ый солдат

2-ой солдат

3-ий солдат

Дежурная сестра

Санитары госпиталя

Василий, молодой врач

20 лет назад:

Платонов Максим Сергеевич, кардиохирург

Дед Серафим

Кутиков (Стас) (голос из Брянска)

Арсений (Сеня), анестезиолог

Касьянов (Митя), хирург

Она, женщина лет тридцати приятной наружности

Тракторист (голос)

Аким Мироныч, глава сельской администрации

Марфа, молодая крестьянка из Стакановки

КАРТИНА 1

В темноте звучит бесстрастный голос диктора, читающего новости: «Военнослужащий спецподразделения внутренних войск МВД погиб в Чечне в результате взрыва фугаса, еще трое получили ранения. Нападение могло стать мекстью за недавнее уничтожение лидера боевиков в Ачхой-Мартановском районе. ЧП случилось около 09:00 в понедельник в горно-лесистой местности во время разведывательной операции, проводившейся военнослужащими этого батальона. Два взрыва неустановленных устройств прогремели с промежутком в 10 минут, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на информированный источник. В тот же день в Чечне начались масштабные трехдневные командно-штабные учения, в которых задействованы

более 500 военнослужащих и свыше 200 единиц боевой техники двух мотострелковых бригад, дислоцированных в республике».

Голос диктора тонет в нарастающем шуме: крики и стоны перемежаются крепкой руганью. Загорается свет. Палата окружного военного госпиталя. Поздний вечер. Обстановка спартанская – ничего лишнего. Тусклый свет ночника еле рассеивает полумрак казенного помещения. Четыре кровати, три из которых заняты ранеными солдатами.

Два санитаря крепко держат одного из солдат, пока дежурная медсестра делает ему инъекцию. Солдат вырывается: он плачет, кричит, матерится. Его товарищи – соседи по палате – сидят на кроватях и смотрят.

1-ЫЙ СОЛДАТ. У-у-у-у! Мамочка, больно-то как! Люди вы или нет? Лучше убейте меня! Ну что вам стоит? Яду какого-нибудь дайте, мать вашу!.. Я все равно в окно выброшусь!

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА (*санитарам*). Знаете, ребята, вы его привяжите к кровати от греха подальше. Пока еще укол подействует.

Санитары осторожно вяжут простынями буйного пациента. Тот безуспешно вырывается.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Суки! Как мне дальше жить?! У-у-у, отпусти, не тронь! Я все равно жить не буду! Падлы!..

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА. Ну-ну, не хорошо ругаться. Здесь же госпиталь. А ты кричишь на всю ивановскую. Больно, я понимаю, а ты потерпи чуток, лекарство скоро подействует.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Больно?! Причем тут больно? Да я жить не хочу! Понимаешь ты?!

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА (*санитарам*). Побудьте пока с ним, а я Андреевну позову. Может еще не ушла? В конце концов, она у нас старшая медсестра, пусть с ним и разбирается. А у меня дел по горло, чтобы с ним нянькаться.

Дежурная выходит из палаты. Солдат негромко стонет. Санитары равнодушно отходят в угол, о чем-то переговариваются шепотом.

2-ОЙ СОЛДАТ (*первому, с опаской*). Ну, ты как там?

1-ЫЙ СОЛДАТ. Сам как думаешь?

2-ОЙ СОЛДАТ. Ну... ты не бери в голову...

3-ИЙ СОЛДАТ. В самом деле. Завтра утром придет хирург, подштопает нас. Все будет в порядке!

1-БЫЙ СОЛДАТ. Да? Ты ногу мою видел? Ты видел, мать твою, че от нее осталось?!

2-ОЙ СОЛДАТ. Ты раньше времени не паникуй...

1-БЫЙ СОЛДАТ. Хорошо вам рассуждать. По паре осколков получили – и радуйтесь! А мне как жить?!

3-ИЙ СОЛДАТ. Кончай пургу гнать! Че мы виноваты, что тебе сильнее досталось? Вон Ваське Чекину вообще не повезло – домой в цинке поедет.

1-БЫЙ СОЛДАТ. Лучше бы и меня, как Ваську, сразу – чик и готово! А теперь что? Мне Катька все СМС-ки слала, люблю, жду. А на какой хер я ей без ноги сдался? У-у! *(Пытается вырваться, но быстро затихает.)* Слышь, пацаны! Я вам друг или как? Помогите мне... сдохнуть. Да вы только развяжите, я дальше сам.

2-ОЙ СОЛДАТ. Дурак ты...

Слышатся голоса приближающихся к палате медсестер – дежурной и старшей.

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА. Вот здесь, в пятой. Из новеньких. Как привезли, так и не уймется. То в окно грозит выпрыгнуть, то вены вскрыть. Мы ему и обезболивающее вкололи, и успокоительное. А он яду попросил.

В палату входят дежурная и Андреевна.

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА. Вот этот *(показывает на прибинтованного к кровати солдата)*.

АНДРЕЕВНА. Да вижу, не слепая. *(Санитарам.)* Что ж вы, голубчики, так крепко скрутили его. Еще б гвоздями прибили. Ладно. Оставьте нас, ступайте, я сама справлюсь.

Дежурная и возмущенные несправедливым упреком санитары выходят. Андреевна наклоняется над солдатом.

Ты же больше не будешь хулиганить, миленький? *(Тот не отвечает.)* Правда? Давай-ка, я тебя развяжу...

3-ИЙ СОЛДАТ. Может не надо?

2-ОЙ СОЛДАТ. Я бы вам не советовал, тетенька.

1-ЫЙ СОЛДАТ (*начинает дергаться и извиваться*). Да пошли вы все на!.. Еще друзья, блин.

АНДРЕЕВНА (*присаживается на краешек кровати, начинает развязывать*). Тише, тише. Ты же не один здесь. Здесь кругом больные и раненые. Им покой нужен и тишина, понимаешь?

1-ЫЙ СОЛДАТ (*чуть тише, чем ранее*). Вот и убейте меня – сразу тихо станет. Я все рано жить не буду!..

АНДРЕЕВНА. Ты что? Разве можно так говорить? Грех это, большой грех. Да, тебе сейчас больно, страшно. Но ты же мужчина, солдат. Ты зубы сцепи и терпи, и не думай о плохом.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Не надо меня утешать! Ты на ногу мою посмотри, на то, что осталось. (*Пытается сдернуть простынь с ноги и показать*.) А завтра с утра и... *это* оттяпают. И на кой хер тогда жить?

АНДРЕЕВНА. Не гневи бога, миленький. Многие и с большими увечьями живут.

1-ЫЙ СОЛДАТ (*снова кричит и дергается*). Бога, говоришь? А где он был этот твой бог, когда нас «чехи» накрыли? Где он был, твой бог, когда Васю Чекина прямым попаданием... (*плачет*) когда меня... когда...

АНДРЕЕВНА (*гладит его по голове*). Ну, ну, будет. Ты же у нас герой: в том бою, говорят, командира собой закрыл. Я слышала: тебя к ордену Мужества представили.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Да на хрен он мне сдался. Или я на ордене вместо ноги ковылять буду? Ё-моё, лучше бы меня, как Ваську... (*всхлипывает*) прямо там... в лесочке... в «зеленке» этой гребанной...

АНДРЕЕВНА. Ты раньше времени не хорони себя, касатик. И с ногой не прощайся. Все будет хорошо, главное верить в это! Ты сегодня на поле брани человека спас. И тебе воздастся за подвиг твой. Так что ты не ругайся, не кричи, у бога смерти не проси, а лучше молись. Ты крещеный-то?

1-ЫЙ СОЛДАТ. Какая разница? (*Пауза*.) Ну, допустим.

АНДРЕЕВНА. А раз крещеный – молись. Если слов не знаешь – я подскажу. Молись, и верь. И когда вера станет сильнее твоих страхов, тогда чудо обязательно случится.

3-ИЙ СОЛДАТ. Так не бывает!

2-ОЙ СОЛДАТ. В самом деле, тетенька. Вы бы ему лучше снотворного что ли покрепче дали бы. А так чего душу травить-то?

АНДРЕЕВНА (*не обращая на них внимания*). Бог милосерден.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Не верю я в бога.

АНДРЕЕВНА. Не удивительно. Я когда молодая была да глупая – тоже не верила. Но ты если не веришь в бога, поверь хотя бы в чудо!

1-ЫЙ СОЛДАТ (*чуть спокойнее и немного заторможено – вероятно, от действия лекарства*). Ерунда. Чудес не бывает. Вранье все и сказки.

2-ОЙ СОЛДАТ. Точно. Нам вот все уши в учебке прожужжали: патриотизм, родина, армия, бла-бла-бла. Не война, а картинка! На словах красиво, а на деле: грязь, кровь, боль и страх.

3-ИЙ СОЛДАТ. В натуре, жизнь – говно! Какие уж тут чудеса?

1-ЫЙ СОЛДАТ (*очень тихо*). Чудес не бывает.

АНДРЕЕВНА (*развязывает последний узел – солдат не делает попыток вырваться*). Вы, правда, так считаете? Что ж, я, пожалуй, расскажу вам одну историю. Возможно, что после вы будете иначе думать.

2-ОЙ СОЛДАТ. Вот здорово, тетенька! А то спать неохота и скукота страшная.

АНДРЕЕВНА. Что ж, слушайте. Итак, жил-был один...

3-ИЙ СОЛДАТ (*перебивает ее*). Это че, типа сказка?

АНДРЕЕВНА. Нет. Это может и похоже на сказку, но истинная правда. Значит, жил у нас в Ростове-на-Дону лет двадцать тому назад один кардиохирург. Знаменитый – что ты! Про таких еще говорят: «врач от бога». Ему в ту пору сорок стукнуло. Все у него было: дом, машина, любимая работа, друзья. Только вот ни женой, ни детьми не обзавелся.

3-ИЙ СОЛДАТ. Эх, а вот у Васьки Чекина в позапрошлый год дочурка родилась. Он все хвастал, что его дома семья ждет. Вот только Ваське никогда уже сорок не будет. Блин и тридцать не будет. И двадцать пять...

2-ОЙ СОЛДАТ. Кончай трюндеть. Дай послушать. Так че там с этим врачом-то?

АНДРЕЕВНА. Звали врача Максимом Сергеевичем. И из всей родни был у него на белом свете лишь старенький дед. Родители Максима погибли в автокатастрофе, когда он еще в школу ходил. И дед этот Максима вырастил и воспитал, заменил и отца, и мамку. Деду Серафиму было под девяносто, но старикан для своих преклонных лет был крепкий. Круглый год жил на даче один. Правда, одна бойкая соседка – одинокая и пожилая – присматривала за ним, помогала по хозяйству, ну и... развлекала, как могла. Максим Сергеевич-то регулярно платил ей. Чтобы, значит, дед Серафим не чувствовал себя заброшенным и одиноким.

Так и жили они, дед с внуком: один – за городом в компании такой же одинокой, как и он сам, соседки, другой – все время пропадал на работе. Максим Сергеевич на самом деле был блестящим хирургом. Virtuoz, мастер! Такие операции на сердце проводил, таких безнадежных больных с того света вытаскивал! И постоянно был нарасхват. То в одной клинике, то в другой, то здесь, а то в Москву пригласят: какой-нибудь «шишке» сердчишко подлатать. А еще преподавал, статьи научные писал да по симпозиумам мотался. Короче, не зная продыху, трудился Максим Сергеевич. Но как бы ни был он занят, два раза в год Максим Сергеевич откладывал все дела и навещал своего старенького дедушку. Как Пасха и Рождество для православных, так и для врача-трудоголика два дня в году были святыми. Нет, конечно же, хирург старался выбраться к деду при первой же возможности, как только случалась редкая

пауза в делах. Но два раза в год – в день рождения деда Серафима и в день Победы – никакие дела не могли помешать Максиму Сергеевичу обнять старика...

КАРТИНА 2

Голос Андреевны затихает. Затемнение. Торжественно звучит мелодия «Дня Победы». Загорается свет. Открытая веранда дачи деда Серафима. Из мебели: маленький круглый столик и пара легких плетеных кресел. На столике: бутылка водки, пара стопок и тарелка с незамысловатой закуской.

Слышится шум подъехавшей машины. Мягко хлопает дверка, раздаются шаги. Появляется Максим Сергеевич. В его руке портфель, который он опускает в одно из кресел.

МАКСИМ. Дедуль! Я приехал! Дед, ты где?

На веранду, опираясь на трость, выходит старик. Мундир его увешан многочисленными орденами и медалями, позвякивающими в такт прихрамывающей походке Серафима. Как от яркого солнца, старик щурит слезящиеся глаза и при этом счастливо улыбается.

ДЕД СЕРАФИМ. Чегой расшумелся? Туточки я. Куда ж мне деться...

МАКСИМ (*подбегает к деду, обнимает его, и, оторвав от пола, кружит*). С праздником, дедуль! С днем Победы, родной!

ДЕД СЕРАФИМ (*притворно ворча*). Да отпусти ж ты, чертяка, задушишь! А то еще уронишь, не дай бог.

Максим, смеясь, уверяет, что не уронит, чмокает деда в щеку и наконец-таки опускает его на землю. Затем достает из портфеля яркий сверток и протягивает старику.

МАКСИМ. Это – тебе. С днем Победы!

ДЕД СЕРАФИМ (*взвешивает пакет в руке*). Что это?

МАКСИМ. Электробритва. Твоя-то «старушка» от дряхлости сыпется уже.

ДЕД СЕРАФИМ (*отвешивает внуку шуточный поклон*). Вот те на! Ты еще скажи, что я от старости сыплюсь!

МАКСИМ. Нет, ты у меня еще о-го-го! Мы с тобой еще, дедуль, повоюем!

ДЕД СЕРАФИМ (*не разворачивая, кладет сверток на стол*). Да? Ну и на том спасибо.

МАКСИМ. Ну ладно, чего ты надулся? Праздник-то какой!

ДЕД СЕРАФИМ. Меня уже с утра кстати поздравили. Приезжал какой-то «перец» из управы. Вручил открытку, гвоздички, все чин чинарем! Вот (*показывает на мундире*) медальку очередную прицепил, юбилейную.

МАКСИМ. Ох, дед, у тебя их уже столько, что скоро пиджак не приподнимешь.

ДЕД СЕРАФИМ. Это ничего, внучек, своя ноша, она ведь не тянет. Да и недолго уже пиджачок таскать осталось.

МАКСИМ. Ну вот, опять двадцать пять. Что у тебя за пессимистические нотки?

ДЕД СЕРАФИМ. Не обращай внимания. (*Садится за стол.*) Давай-ка лучше выпьем.

МАКСИМ (*оглядываясь*). А где же Егоровна, дедуль? Где эта твоя верная Пятница, мой дорогой Робинзон?

ДЕД СЕРАФИМ. Так я отослал ее домой. Пошто она нам? Закуски настрогала и ладно! А водку мы и сами разольем. Я если честно с утра махнул уже соточку. Как же – такой праздник. (*Берет бутылку, разливает.*) Робинзон, говоришь? Хм, смешно. Я тут и впрямь, как отшельник годами сижу: ни людей, ни света белого не вижу.

МАКСИМ (*опустив портфель на пол, садится напротив*). Я тебе сто раз говорил: переезжай ко мне в город.

ДЕД СЕРАФИМ. А смысл? Ты сутками на работе, живешь в клинике этой своей. Так что уж лучше я здесь. Все ж на свежем воздухе. Да и Егоровна молодец, не дает мне расслабиться. (*Подымает стопку.*) Давай, за Победу! (*Выпивает, кряхтит, но не закусывает.*) Э-эх, да, такие вот дела...

МАКСИМ (*выпивает, закусывает, затем пристально смотрит на деда*). Что-то я не узнаю тебя сегодня. Кислый какой-то, ворчишь по ерунде. Или что случилось, а? Давай, колись.

ДЕД СЕРАФИМ. Вот пристал, как банный лист к жопе. Че, да че? А ниче! Может и правда совсем старый стал, и посыпался, как та бритва.

МАКСИМ. Дедуль, да ладно тебе! (*Кладет свою ладонь поверх стариковской, успокаивая, похлопывает.*) Ты у меня еще молодец! Орел! Давай лучше споем. Твою любимую. (*Запевает.*)

Эх, дороги, пыль да туман...
Холода, тревоги да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей -
Может, крылья сложишь посреди степей.

ДЕД СЕРАФИМ (*сначала подпевает, но вдруг резко перебивает внука*). Погоди, Максимка, потом допоем. Прав ты, чертяка глазастый, грызет меня один червячок изнутри, ой как давно грызет.

МАКСИМ (*вскакивает и возбужденный подбегает к деду*). Что? Ты болен? Почему молчал? Дед, что у тебя?

ДЕД СЕРАФИМ. Сядь, Максимка, не мельтеши. И налей еще по одной. Я тебе не про болячки толкую. Ничего нового в моем букете хвороб не нарисовалось. Ты бы знал, если что.

МАКСИМ (*разливает водку*). Тогда что за червячок?

ДЕД СЕРАФИМ. Погодь, щас махну для храбрости.

МАКСИМ. Дедуль, ты меня пугаешь. Не томи, говори уже.

ДЕД СЕРАФИМ. Ну, за тех, кто не вернулся. Вечная им память! (*Опрокидывает стопку*.) А ты чего, Максимка, водку в руке греешь? Пей да слушай. Мне уже скоро помирать...

МАКСИМ (*поперхнувшись водкой*). Ты опять? Хватит уже.

ДЕД СЕРАФИМ. Погодь, не перебивай, я сам собьюсь. Так вот. Мне уже скоро помирать, а за мной должок числится неоплаченный.

МАКСИМ. Вот новости. Что за долг? Дед, я тебе миллион раз твердил: если тебе нужны деньги...

ДЕД СЕРАФИМ (*резко ударяет кулаком по столу*). Твою же эскадрилью, мать растак-разэтак! Ты мне дашь сказать или перебивать будешь? (*Максим жестами выражает готовность молчать и слушать*.) То-то же. Значитца так. Это случилось в августе сорок третьего, на Брянщине. Мы наступали тогда уже, гнали фашиста. Жаркое было времечко!.. Эх, сколько лет прошло, а как щас помню. Налей еще что ли, Максимка. А то говорить как-то трудно.

МАКСИМ. Может, хватит, дедуль? А то ведь сердечко...

ДЕД СЕРАФИМ (*снова стучит по столу*). А я говорю: налей! Ну, вот что ты за засранец, Максимка: то перебиваешь, то споришь. (*Максим, пожимая плечами, разливает*.) То-то же, сразу бы так. За победу! (*Залпом выпивает*.) Так вот. Ты знаешь, что я служил в штурмовой авиации? (*Максим утвердительно кивает*). В тот день я со своим ведомым возвращался с задания. Мы вылетели по приказу ближе к вечеру и довольно успешно отбомбились. Но на обратной дороге пару наших ИЛ-2 поджидала пятерка «мессеров». Видимо хорошенько мы тем утречком приложились фашисту по зубам. Бой и так был неравный, а тут еще тройка «лаптежников» подтянулась. Эх... тяжело вспоминать... еще этот чертов ШКАС – пулемет то есть по-нашему – заклинило, едрит его мать! А тут такая мясорубка. Если и существует ад на земле, то тогда это, наверное, был он...

МАКСИМ. Дедуль, но ты же вырвался, да?

ДЕД СЕРАФИМ. Леньку Пирогова первым подбили: пушечной очередью да с убойной позиции. У Леньки и шансов выпрыгнуть никаких не было – его «Илюшка» прямо в небе развалился. Помню, как я зарычал тогда, как в глазах от ненависти потемнело. Ну, думаю, вашу ж эскадрилью так-растак-разэтак! Я ж вас гадов, да за Леньку... я ж вас, сук, зубами грызть буду... Но куда там! Нет, я-то конечно пару фрицев успел «причесать», но...

Старик замолкает и смахивает набежавшую слезу. Максим наливает в стопку воду и пододвигает к деду. Тот со словами: «За Леньку!» выпивает и снова замолкает, погруженный в свои воспоминания.

МАКСИМ (*осторожно, точно к хрупкому, дотрагивается до руки старика*). Дедуль, ты как?

ДЕД СЕРАФИМ. Нормально. Короче накрыло меня так, что мама не горюй. На самолете живого места не было, и боезапас по нулям. Я уже, если честно, о таране подумывал, но тут как назло движок чихнул последний раз и задымил. Самолет завалился на правое крыло и начал падать. Ну, думаю, дудки, меня так просто за хобот не возьмешь. Выскакиваю из кабины и щучкой вниз, а немец знай, поливает меня из пулеметов.

МАКСИМ. Это тогда тебя в грудь ранило?

ДЕД СЕРАФИМ (*потирая грудь*). Нет, то позже, в Польше. А в тот раз ноги перебили. Приземлился я на поле, парашют собрал, огляделся. Смотрю: неподалеку стожок сена. Я туда значит, дополз, привалился, малость отдышался и перевязал себя, как смог. Тут слышу, бежит кто-то. Я за пистолет: шалишь, я свою жизнь дорого продам! Выглядываю из-за стожка: мать моя женщина, а там не фрицы, а баба какая-то бежит ко мне, а за ней мальчонка – дите совсем еще – телепается. Ну, я пистолет убрал, а баба подбежала, заохала, запричитала. Она, мол, видела, и как меня подбили, и как приземлился. Тараторит без умолку, а я ей: немцы в деревне есть? Нет, говорит, только староста, но местный, из своих. Немцы в соседнем селе стоят, в пяти километрах. Я подумал тогда и говорю: мне бы в лес, к партизанам. А она плачет: какие партизаны, какой лес? Куда ж ты, касатик, весь такой израненный? Домой тебя возьму – спрячу, выхожу. А на ноги встанешь – тогда, пожалуйста, хоть к партизанам, хоть в Красную армию!

МАКСИМ. И взяла к себе, не побоялась?

ДЕД СЕРАФИМ. Взяла! Я уж ее просил: ты мне только хлеба да водицы снеси, а я здесь в стожке перекантуюсь, с силами соберусь да спозаранку в лес двину. Куда там! А вдруг, говорит, фашисты придут, искать тебя будут? А я ей: а как к тебе домой нагрянут, тогда что? А она слезы смахивает да смеется: я тебя так заховаю, никакая немчура не сыщет! Послала мальчонку домой за тележкой. Их хата на окраине стояла. Я еле-еле в ту тележку забрался. А уж как они вдвоем меня до хаты волокли, до сих пор больно вспоминать. Совсем из сил выбились беденькие но дотащили.

МАКСИМ. И долго ты у нее квартировал?

ДЕД СЕРАФИМ. Две недели. Звали мою спасительницу Любашей. Жила она с сыном Андрейкой да со старухой-свекровью. Меня прятала в подполе. Укрыла, как и обещала – сам черт не найдет. Немцы дважды приходили, перетрясли и поле со стожками, и всю деревню. Когда они в первый раз нагрянули и по соседним дворам рыскали, я слышал, как Любашина свекруха ругала сноху: мол, из-за тебя и твоего летчика всех нас погубишь. В смысле ежели немцы меня найдут – то всю деревню спалят. Свекровь умоляла Любашу не гневить бога и выдать меня, но та сказала, как отрезала: мой Ванюшка, может также где-то раненый мыкается,

глядишь, и ему какая добрая душа поможет: накормит, напоит, раны перевяжет. Старуха, услышав о сыне, заплакала, но от снохи отстала и более не донимала.

МАКСИМ. А дальше?

ДЕД СЕРАФИМ. Через пару недель Любаша переправила меня к партизанам, а уж те вскорости самолетом доставили меня к нашим. В то время в брянских лесах было устроено несколько аэродромов, и связь по воздуху была налажена.

МАКСИМ. Тот долг, о котором ты мне говорил, он у тебя ... перед этой женщиной, перед Любашей?

ДЕД СЕРАФИМ. Да и неоплатный. Вся деревня, почитай три десятка дворов, все видели, как меня сбили. Но Любаша, она одна ко мне на подмогу прибежала. Да еще потом жизнью рискуя, меня выхаживала, прятала. Знаешь, если б я к тому моменту не был уже женат на твоей бабке, а Любаша не ждала с фронта своего Ванюшку, я б, наверное, на ней женился.

МАКСИМ. Дедуль, а ты после с ней встречался?

ДЕД СЕРАФИМ. Нет. Хотя пытался. Сначала не до того было: война, новое ранение, потом разруха. Но я постоянно думал о Любаше и о том, что она для меня сделала. А в шестьдесят первом году – совершенно случайно – я узнал, что деревни той больше нет. То ли немцы, отступая, уничтожили, то ли при нашем наступлении пострадала, не знаю. Тогда жаркие бои там кипели.

МАКСИМ. А Любаша? Она тогда жива осталась?

ДЕД СЕРАФИМ. Не знаю. Надеюсь и верю, что пережила она с сынишкой войну, но точно не знаю. Сколько я писал, сколько запросов посылал – все без толку. Три слова в ответ: «Информацией не располагаем».

МАКСИМ. А почему ты раньше мне эту историю не рассказывал?

ДЕД СЕРАФИМ. Не знаю. А сейчас рассказал, потому что чую, близок мой конец. (*Максим встает и пытается что-то возразить.*) Сядь, не суетись, Максимка. Я, слава богу, пожил. И жизнь достойно прожил, мне не за что стыдиться. Но вот о чем я хочу тебя перед смертью попросить. Щас времена другие – другие и возможности. Разущи, если сможешь Любашин след. Самой-то ее, поди, уже и в живых нет. Она моих годов была, только я на этом свете засиделся. Но может, сумеешь найти кого из ее родни: сына Андрея там или внуков. Найди и если нуждаются они в чем, то помоги. Ну а если не нуждаются, то просто в ноги поклонись – за меня. Обещай мне, Максимка, что попробуешь поискать.

МАКСИМ. Хорошо, дедуль. Только... у меня сейчас в больнице запарка, но в начале июля вроде свободнее со временем, я и займусь. Лады?

ДЕД СЕРАФИМ. Июля? Ну что же, и дольше ждал. (*Достает из кармана листок.*) Вот, возьми, я тут написал, что знаю. Как деревня называлась, где располагалась, ну и так по мелочи, все что вспомнил.

МАКСИМ (*разворачивая листок*). Погоди, дедуль. Ты фамилию Любы этой написать забыл.

ДЕД СЕРАФИМ (*вздыхая*). Кабы знал я ту фамилию. Не удосужился тогда дурак спросить.

МАКСИМ. Но как же без фамилии ее разыскать? Да и деревни той сам говоришь уже давно нет.

ДЕД СЕРАФИМ. А ты все ж попытайся, Максимка, разузнай.

МАКСИМ (*с сомнением в голосе*). Попытка – она, конечно, не пытка. Только дедуль, ты не обольщайся сильно, шансов-то мало. Информации ноль и времени полвека прошло.

ДЕД СЕРАФИМ. Знаю. А ты все же попробуй.

МАКСИМ. Ну что, дедуль, выпьем еще?

ДЕД СЕРАФИМ. Давай по последней. За Любашу!

МАКСИМ (*разливает, поднимает стопку*). За Любашу!

КАРТИНА 3

Наши дни. Ростов-на-Дону. Палата окружного военного госпиталя.

2-ОЙ СОЛДАТ. Тетенька, я че-то не въехал: причем тут лекарь этот и его дед? Ну, спасла его во время войны, укрыла какая-то Люба. Вы ж нам про че тут толковали? Ну, подвиг там, или отвага – это я понял. Но чудеса-то где?

АНДРЕЕВНА. Какой торопливый! Это ж только самое начало – дойдем и до чудес.

3-ИЙ СОЛДАТ. И, кстати, нашел доктор спасительницу деда?

1-ЫЙ СОЛДАТ. Чего вы накинулись на человека? Слова сказать не даете! Кончай галдеть, пацаны. (*Андреевне.*) Так что дальше было?

АНДРЕЕВНА. А вы не устали еще слушать? А то может, пора спать?

3-ИЙ СОЛДАТ. Нет уж, раз начали – досказывайте ваши сказочки.

2-ОЙ СОЛДАТ. Ага, охота про чудеса, что в обычной жизни случаются, послушать.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Да, вы рассказывайте, рассказывайте.

АНДРЕЕВНА. Хоть и дал обещание деду Серафиму Максим Сергеич, но время шло, а у занятого по горло хирурга все руки не доходили заняться поисками Любаши. Но главное, конечно, было не в загруженности работой. Просто Максим Сергеич не верил, что спустя столько лет можно найти человека, не зная даже фамилии, просто по имени.

3-ИЙ СОЛДАТ. Блин, мог хотя бы в «Жди меня» написать. Я пару раз глядел по ящику, там истории типа такие же. Людей ищут, ну, там потерялся, если кто давно. И главное самому не надо ниче делать – черкнул письмецо – и жди, работай себе на здоровье. Не, ну а че, не так?

АНДРЕЕВНА (*улыбаясь*). Так-то оно так, но, не забывай миленький, что разговор деда Серафима с внуком случился более двадцати лет назад.

3-ИЙ СОЛДАТ. И че?

1-ЫЙ СОЛДАТ (*3-ему солдату*). Нет, ты дурак или прикидываешься? Не было тогда еще никакого «Жди меня».

АНДРЕЕВНА. Точно, не было. К тому же в свое время дед Серафим куда только можно запросы посылал.

2-ОЙ СОЛДАТ. Значит, Максим этот не стал искать Любу?

АНДРЕЕВНА. Поначалу – нет. И обещанные сроки истекли. Уже и июль прошел, лето пролетело. А в сентябре дед Серафим умер...

2-ОЙ СОЛДАТ. Так я и знал! Не дождался дедушка. Хорош внучек – ниче не скажешь!

1-ЫЙ СОЛДАТ (*2-ому солдату*). Если ты еще раз перебежешь, то я на руках до тебя доползу, и рот полотенцем заткну!

2-ОЙ СОЛДАТ (*тихонько*). Ой-ой, скажите какой грозный! (*Громче.*) Все-все, молчу!

АНДРЕЕВНА. Не ссорьтесь, ребята!

3-ИЙ СОЛДАТ. Не обращайтесь внимания, это они так... шутят. Так че там дальше?

АНДРЕЕВНА. Крепко загоревал Максим Сергеич. Любил он деда, единственного родного человека на белом свете. Но горюй – не горюй, а с того света человека не вернешь. Схоронили Серафима, собрались поминать. Как водится, люди вставали, говорили: какой замечательный был покойный Серафим. И вот поднимается какой-то сосед по даче и, произнося речь, замечает, что помимо прочих достоинств дед Серафим был человеком слова, до щепетильности отзывчивым и исполнительным. Мол, если что пообещал, то в лепешку расшибется, но выполнит. И эти слова постороннего человека будто обожгли Максима Сергеича. Ведь он обещал деду *хотя бы попробовать* поискать след Любаши, но даже пальцем не шевельнул. А дед Серафим ведь как чувствовал, что скоро помирать. И в тот день – в день дедовых похорон – Максим Сергеевич дал зарок – уже самому себе! – что расшибется в лепешку, но найдет либо Любашу, либо ее потомков. И пусть у хирурга было катастрофически мало свободного времени, чтобы искать самому. Зато у него были очень хорошие связи по всей стране, чтобы организовать поиски.

3-ИЙ СОЛДАТ. Как это организовать? Это типа нанять других за деньги?

АНДРЕЕВНА. Нет, тогда другие были времена. Это сейчас можно было бы привлечь частных детективов. А раньше многое – если не все – решали связи, личные контакты. Любашин след терялся в исчезнувшей с лица земли деревеньке неподалеку от брянских лесов. И тогда Максим Сергеевич, недолго раздумывая, позвонил своему приятелю, заведующему хирургическим отделением в Брянской областной больнице. Они вместе когда-то учились, да и оперировал там пару раз Максим Сергеич по приглашению. Вот он своего однокашника и озадачил просьбой навести справки в архивах. Брянский коллега откликнулся с энтузиазмом и обещался помочь,

даже «грозился мобилизовать знакомого краеведа и какую-то милицейскую шишку». Но прошло почти два месяца, пока в кабинете Максима Сергеича не зазвонил телефон...

КАРТИНА 4

Голос Андреевны затихает. Затемнение. В темноте слышится трель телефонного звонка. Скрип шагов, кто-то снимает трубку. Раздаются голоса.

МАКСИМ. Алло, слушаю.

КУТИКОВ. Здоров, Макс. Это Кутиков.

МАКСИМ. Привет, Стас. Я уж думал, ты про меня забыл.

КУТИКОВ. Ага, как же. Просто ты еще задачку ты задал.

МАКСИМ. Значит, ничего не вышло? Совсем ничего не узнал?

КУТИКОВ. Как это не вышло?! Обижаешь!

МАКСИМ. О! Так чем порадуешь... или огорчишь?

КУТИКОВ. Ну, уж это тебе решать, Макс. Короче, все что просил, разузнал.

МАКСИМ. И? Давай, не томи, Стас.

КУТИКОВ. В общем так. Полонская Любовь Матвеевна, 1910 года, в сорок четвертом переехала в Брянск, работала в библиотеке. В мае сорок пятого получила похоронку на мужа. Замуж больше не вышла.

МАКСИМ. Она жива?

КУТИКОВ. Нет. Умерла в восемьдесят третьем. Инфаркт. Не смогла пережить утрату сына.

МАКСИМ. Как? Андрея тоже нет в живых?

КУТИКОВ. Да, погиб в Афгане. Офицером был, пошел по отцовским стопам.

МАКСИМ. Блин, все, тупик. Жаль, но... все равно огромное тебе спасибо, Стас! Я...

КУТИКОВ. Да погоди ты. У Андрея дочь осталась, Марья. Или тебе это уже не интересно.

МАКСИМ. Да ты что! С этого же и надо было начинать! Значит, у Любаши есть внучка. Марья, говоришь? Тоже Полонская?

КУТИКОВ. Нет, она замуж вышла. Теперь Свиридова. Свиридова Мария Андреевна.

МАКСИМ. И где она, известно?

КУТИКОВ. Да, лет десять назад уехала на родину мужа, в Курскую область. Какая-то глушь – деревня Стакановка. По слухам родила.

МАКСИМ. Ты не связывался с ней?

КУТИКОВ. Нет. Решил тебе сначала позвонить. Да и область не наша...

МАКСИМ. И молодец, что сразу мне позвонил. Дальше я сам. И помни – я твой должник. Ты мне очень помог, Стас.

КУТИКОВ. Да ладно свои ж люди...

МАКСИМ. Точно, сочтемся! Пока, Стас! И привет Инге.

Короткие гудки обрываются тишиной. Загорается свет. Рабочий кабинет Максима Сергеевича. Хозяин кабинета сидит за столом, заваленным книгами и бумагами. Перед столом два стула для посетителей. Взгляд хирурга отрешено-задумчив. Он покачивает зажатой в правой руке телефонной трубкой. Пальцы левой руки выбивают по столу нервное стаккато. Наконец, будто бы решившись, он набирает номер.

МАКСИМ. Але, Леночка, шеф еще не ушел? Будь добра, соедини с ним, ягодка. (Пауза.) Але, вечер добрый, Михал Петрович. (Пауза.) Нет, с новым рентгенологом вопрос решенный. Да. (Пауза.) Нет, я по другому вопросу. Михал Петрович, мне нужно пару недель отпуска. (Пауза.) Нет. Срочно. С завтрашнего дня. (Пауза.) Да, понимаю. Но Михал Петрович, пойми, мне позарез нужны две недели и именно сейчас. (Пауза.) Нет, мои дела подождать не могут. В конце концов, я уже два года в отпуске не был. (Пауза.) Спасибо. Я заявление Леночке занесу.

Не кладя трубки, снова набирает номер.

Здравствуйте, девушка. Подскажите, когда ближайший рейс до Курска. (Пауза.) Так, завтра, 21-40? Прекрасно, будьте добры, забронируйте один билет на фамилию Платонов... да...

Во время телефонного разговора раздается стук в дверь, и в кабинет бочком входит анестезиолог Арсений. В его руке листок. Он присаживается перед столом Максима и ждет, когда тот закончит разговор.

АРСЕНИЙ. Оппаньки! Ты куда это намылился?

МАКСИМ. Далече, Сенечка. Я к твоему сведению с завтрашнего дня в отпуске. Вот сейчас заявление напишу и goodbye my love, goodbye. *(Берет ручку, пишет.)*

АРСЕНИЙ *(трясет листком)*. Блин, а я тебе план на неделю принес. Думал, глянешь, кого себе брать будешь. *(Вдруг хлопает себя по лбу.)* Елочки точеные, там же еще мамаша эта сумасшедшая!

МАКСИМ *(не отрываясь от письма)*. Что за мамаша? Почему сумасшедшая? И вообще, Сенечка, психиатрия – это не наш профиль.

АРСЕНИЙ. Да нет, так-то нормальная она. За пацаненка своего только сильно переживает. В смысле за сына. Его к нам из второй детской направили. Тяжелый случай. *(Смотрит в принесенный листок.)* Вот, на послезавтра операция.

МАКСИМ. Ну и?..

АРСЕНИЙ. Ну и эта мамаша вбила себе в голову, что ее сына непременно должен оперировать *(отвешивает шутливый поклон)* великий и всесильный Максим Сергеевич. Теперь вот рвется к тебе, желает поговорить. Я так понимаю, подмазывать тебя будет. Или еще что! *(Хитро подмигивает.)* Она вообще-то баба симпатиш-ш-шная!

МАКСИМ. Вот что, разлюбезный друг мой Арсений! С завтрашнего дня я в отпуске. На две недели забудьте все о «великом и всесильном». Операции пускай Касьянов распределяет. И никого послезавтра я оперировать не буду. Завтра в 21-40 у меня самолет до Курска. Понял?

АРСЕНИЙ. Да, понял, понял.

МАКСИМ. И вот еще что. Будь другом, избавь меня от встреч с этой сумасшедшей мамашей. Пусть даже и симпатичной.

АРСЕНИЙ. О'кей. *(Встает, идет к двери.)* А чего ты в Курске забыл?

МАКСИМ. А вот это, Сенечка, не твое дело. Все, пока.

АРСЕНИЙ. Пока. *(Уходит.)*

МАКСИМ. Вроде бы у меня атлас здесь был *(роется в ящике стола)*. Ага, вот он. *(Раскрывает книгу, листает.)* Так, Воронежская, Орловская... есть, Курская. Где же эта Стакановка?

Раздается стук в дверь и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вбегает растрепанная и раскрасневшаяся женщина. Она, безусловно, красива, но красота ее несколько поблекла от горя и вытравивших страданий. Она тяжело дышит, задыхнувшись от быстрой ходьбы.

ОНА. Это правда?

МАКСИМ. Что, правда? И вообще вы кто? Кто вас пропустил?

ОНА. Сама прошла. (*Горько усмехается.*) С боем прорвалась. Значит, вы уходите в отпуск?

МАКСИМ. Да. Только я не пойму...

ОНА (*падает на колени*). Максим Сергеевич, умоляю вас, спасите моего сына!

МАКСИМ. Вот еще история! (*Оббегает стол, поднимает посетительницу, сажает на стул.*) Я вас прошу, успокойтесь. Хотите я вам воды налью?

ОНА. Нет, не надо. (*Молитвенно складывает руки.*) Максим Сергеевич, возьмите моего Ваську. Мне профессор Белов сказал, что такая операция только вам по плечу. Так и сказал: добивайтесь, чтобы вас Платонов взял. И в районной поликлинике заведующая говорила, что нам бы именно к вам попасть.

МАКСИМ. Поймите же, кроме меня в клинике масса прекрасных специалистов...

ОНА. Максим Сергеевич, миленький, прошу вас, не отказывайте! Мне кроме вас и надеяться не на кого. (*Плачет.*) Васька как заболел, так поначалу думали в Москву. Но там деньги большие нужны. А у меня откуда? Муж погиб, одна как белка в колесе кручусь. Я и так в школе за любую подработку хватаюсь. Какая уж тут Москва? (*Перестаёт плакать.*) А как про вас узнали, я так обрадовалась. Говорю Васеньке: «Теперь все будет хорошо, сынок!»

МАКСИМ (*смущенно*). И правильно говорите. И не нужно в Москву. Завтра вашего Василия обследуют, а послезавтра прооперируют. Доктор Касьянов – замечательный хирург. Он все...

ОНА (*плачет*). Я думала... что вы... я прошу, вас Максим Сергеевич. Я век вам благодарна буду. Я отработаю, я могу! Стирать могу вам, убираться... обслуживать. (*Поправляет волосы, заискивающе смотрит, тихо говорит.*) Я все могу! Что хотите. Я знаю, вы одиноки. Я на все готова!

МАКСИМ (*стучит ладонью по столу*). Прекратите немедленно! Да как вам не стыдно такое предлагать?!

ОНА. Стыдно? (*вытирает слезы.*) Да, мне не стыдно! А почему мне должно быть стыдно? Мне сына спасти надо! И наплевать на гордость. Лишь бы Вася жил. А все говорят: вы – гений! Ну что вам стоит на два дня задержаться? Я до смерти за вас молиться буду.

МАКСИМ. Ну что на мне свет клином сошелся что ли? Вот вы плачете, уговариваете, а сами не знаете, насколько у меня дело срочное и важное. Может, я и на день отложить ее не могу? Может у меня от поездки многое зависит?

ОНА. Что может быть важнее человеческой жизни?

МАКСИМ (*поднимает непрошеную гостью, подталкивает к двери*). Все, голубушка, прощайте. Мне перед отпуском нужно дела закончить. И давайте обойдемся без истерик. Касьянов – первоклассный специалист и блестяще справится с операцией. Поверьте, послезавтра на радостях вы забудете этот разговор как дурной сон.

ОНА (*в дверях*). Доктор, вы же давали клятву Гиппократата!

МАКСИМ (*с еле сдерживаемой злостью*). Да, и в ней не говорилось, что я должен работать без выходных и отпусков. Всего доброго! Надо же, клятву Гиппократу вспомнила, истеричка!

Максим закрывает дверь, садится за стол, разбирает бумаги. Дверь без стука распахивается. Входит Касьянов. В его руке картонная папка.

А, это ты. Только не говори, что тоже пришел меня уговаривать задержаться.

КАСЬЯНОВ. Именно.

МАКСИМ. Нет. Можешь и не пытаться.

КАСЬЯНОВ. Ты хотя бы историю болезни глянь. (*Бросает папку на стол.*) Тяжелый случай. Шансов у парня – ноль целых хрен десятых. Вся надежда только на тебя.

МАКСИМ (*со злостью*). Да? И почему это? Кто я, по-твоему, господь Бог? Я *такой* же врач, как и ты.

КАСЬЯНОВ (*отводя взгляд*). Сам знаешь, что не такой.

МАКСИМ. Митя, избавь меня от грубой лести. Я знаю себе цену. И еще знаю, что если мальчику можно помочь – ты справишься. Ну а нет... на нет и суда нет.

КАСЬЯНОВ. Да пойми же, Макс. Я боюсь оперировать его. Я тоже знаю свои возможности и не хочу брать грех на душу.

МАКСИМ. А я, получается, просто жажду? Ну, конечно, подумаешь: грехом больше, грехом меньше какая разница?

КАСЬЯНОВ. Я не о том. Но я нутром чую: помрет малец у меня на столе. Вон даже глаз левый чешется. Стопудовая примета – к слезам!

МАКСИМ. Причем тут глаз? Чушь какая-то, суеверие.

КАСЬЯНОВ. Считай, как хочешь. Но я точно знаю, у тебя все получится, а у меня нет. Макс, мы же друзья, двенадцать лет бок о бок работаем. Мы же должны выручать друг друга, а?

МАКСИМ. Должны. И выручаем. Или ты забыл сколько раз я твою жопу прикрывал? А теперь извини, у меня – дела.

КАСЬЯНОВ. Макс, если б твои дела не терпели отлагательства, я б даже не заикнулся. Я слышал, ты по просьбе деда тетку разыскиваешь? Но скажи, ради бога, что один день решает? И деду твоему, извини, уже фиолетово: завтра или послезавтра ты к ней поедешь.

МАКСИМ. Деду, может и фиолетово, а мне. Митенька, нет. Я и так непростительно долго откладывал. А теперь все, твердо решил! Я уже и билеты заказал. И, в конце концов, я тоже суеверный, боюсь спугнуть удачу. Вдруг сейчас что-то поменяю, а потом мне дороги не будет.

КАСЬЯНОВ. Но Макс...

МАКСИМ. Мить, давай замнем для ясности. Если меня плачущая мать не уговорила, думаешь, я на твои переживания клюну? (*Поднимается.*) Все, давай, увидимся через две недели.

КАСЬЯНОВ (*берет историю болезни*). Так не глянешь? (*Максим отрицательно качает головой, Касьянов идет к двери.*) Ладно, пока.

МАКСИМ. Да, Мить, и постарайся послезавтра. Дай пацану шанс.

КАСЬЯНОВ (*себе под нос*). Да пошел ты!

КАРТИНА 5

Наши дни. Ростов-на-Дону. Палата окружного военного госпиталя.

3-ИЙ СОЛДАТ. Значит, не помог ваш расчудесный доктор мальчику? Уехал?

2-ОЙ СОЛДАТ. Ясен пень, свалил. Вот если бы мамашка докторишке бабла отгрузила, желательнее зелени, тогда б он сына ей на ноги поставил. Все решают бабки! Все и всегда!

АНДРЕЕВНА. Нет, миленький, ты не прав! Наш мир, конечно, не совершенен, но... не все уж так в нем плохо и мрачно.

3-ИЙ СОЛДАТ. Ха-ха! Ну да, изредка попадаются светлые пятнышки.

2-ОЙ СОЛДАТ. Не, ну че, я не прав, что ли? Максим-то этот отказал тетке? Факт!

1-ОЙ СОЛДАТ (*приподнявшись на кровати и полусидя*). Не факт. Думаю, не все так просто. Иначе, к чему весь этот рассказ?

АНДРЕЕВНА (*ласково гладит по голове 1-ого*). Правильно, сынок, догадался.

3-ИЙ СОЛДАТ. Тогда в чем фишка? Че дальше было?

АНДРЕЕВНА. Может все-таки спать? Час-то уже поздний. Завтра доскажу...

1-ОЙ СОЛДАТ. Не знаю, как пацаны, а я все равно не усну перед операцией. Мысли все разные в голову лезут.

АНДРЕЕВНА. Ну, хорошо, слушайте. На следующее утро Максим Сергеич поехал на кладбище. День для седины октября выдался просто замечательный: погожий, теплый, солнечный. Положил Максим цветочки на могилу Серафима, извинился, что редко навещает и долго еще «беседовал» с дедом.

2-ОЙ СОЛДАТ. Беседовал? Вы это серьезно? Блин, это ведь как игра в одни ворота. Он с таким же успехом мог и со столбом фонарным поговорить. Или может Серафим ему отвечал? Ха-ха. Не верю я в эти басни про общение с духами.

1-ОЙ СОЛДАТ. Не веришь – не слушай. Только другим не мешай.

АНДРЕЕВНА. Рассказал Максим Сергеич деду, что почти выполнил его наказ и уже завтра возможно увидит внучку той самой Любаши, что из-за этой поездки отложил все дела и наконец-то послал к чертям работу. Словно оправдываясь перед самим собой, помянул врач и вчерашнюю посетительницу. Никаких важных дел до вылета запланировано не было, и Максим не торопился уходить от бабушки. Но спустя час погода вдруг резко поменялась. Солнце скрылось за тучами, налетел бешеный ветер, заморосил противный холодный дождик. Максим попрощался с дедом и поехал домой. А по дороге дождь сменился снегом. Сначала закружились редкие снежинки, тающие, едва коснувшись земли, но вскоре повалил настоящий снег. Максим Сергеевич отказывался верить собственным глазам. Мало того, что по прогнозу на ближайшую неделю не передавали осадков вообще, так чтобы еще и снег!..

3-ИЙ СОЛДАТ. Ну и че? Когда, вы говорили, это было? В середине октября? Так-то, конечно, раненько, но в принципе ниче удивительного, нормально.

АНДРЕЕВНА. Не знаю, может где-нибудь в Норильске или, скажем, Салехарде снег в октябре – это нормально, но у нас в Ростове – это нонсенс! Подивился Максим Сергеич снегу и решил, что нужно пораньше выехать в аэропорт. Дома Максим Сергеич сунул в портфель пару рубашек, бритву и прочую мелочь, необходимую для недлительного путешествия, договорился с соседкой, чтобы присматривала за котом и, уходя, оставил ей ключи. Когда Максим Сергеич вышел из подъезда, все вокруг уже было покрыто толстым ковром снега, и снег сыпал, не переставая. Небо будто бы прорвало. К тому же стало жутко холодно. Тем не менее, Максим Сергеич сел в машину и поехал в аэропорт. Ехать было недалеко, но кругом были заторы и пробки, да и обледенелые дороги допускали лишь черепашью скорость. Максим Сергеич, выехавший заблаговременно, даже стал переживать, что опоздает. Но переживал он зря. В аэропорту он узнал, что все рейсы отложены, сначала на два часа, а потом и до утра.

2-ОЙ СОЛДАТ. Ха, я так и знал! Не, ну вот че он поперся, если видит, что погода – не фонтан? Трудно было в интернете глянуть, есть ли задержка рейсов. Мы прошлым летом, когда в Турцию собирались, так постоянно он-лайн табло проверяли. А че зря в аэропорту париться?

АНДРЕЕВНА. Что ты, миленький, какой интернет в то время? Позвонить с таксофона – и то проблема была.

2-ОЙ СОЛДАТ. Да, я че то не подумал, лоханулся по ходу.

1-ОЙ СОЛДАТ. А надо думать, прежде чем квакать!

2-ОЙ СОЛДАТ. Нет, ну елы-палы, че ты ко мне цепляешься? Я что ли виноват, что у тебя на душе погано, и очко перед операцией играет?

1-ОЙ СОЛДАТ (*рывком приподнимаясь на локтях*). Щас я тебе поиграю!

АНДРЕЕВНА. Тихо, мальчики. Или дальше уже не интересно? То-то. В аэропорту Максим Сергеевич метался, как запертый в клетке зверь. Но против погоды не попрешь. Выбор у него был невелик: торчать в битком набитом раздраженными пассажирами зале ожидания или несколько часов пробиваться через заторы домой. Обе перспективы не устраивали Максима Сергеича. К тому же ему не хотелось так поздно беспокоить соседку, которой он оставил ключи.

И тогда Максим Сергеевич решил поехать на работу. Во-первых, это было гораздо ближе – рукой подать. Во-вторых, в ординаторской есть уютный диванчик, на котором можно вздремнуть до утра, а утром попросить медсестру Варечку побаловать шефа вкусным кофе. И наконец, самое главное, в больнице есть телефон, а значит, возможность регулярно звонить в аэропорт и справляться насчет своего рейса.

3-ИЙ СОЛДАТ. Ну а че, мудро, по-моему. Все разрулил, дядька, чин чинарем!

АНДРЕЕВНА. Сказано – сделано: Максим Сергеевич поехал в клинику. Переночевал, а утром первым делом выглянул в окно и с огорчением убедился, что снегопад не прекратился. А звонок в аэропорт ожидаемо не принес ничего, кроме разочарования. Усталым голосом девушка из справочной сообщила: аэропорт не принимает и не отправляет, а рейс до Курска пока отложен до 20-00, но если к обеду погода не изменится и не прояснится, то...

3-ИЙ СОЛДАТ. Во непруха, мужику!

АНДРЕЕВНА. Только Максим Сергеевич положил трубку, в ординаторскую вошел доктор Касьянов. Как уж Митя обрадовался, увидев коллегу! И ему даже не пришлось уговаривать Максима провести операцию на сердце мальчика. Максим все равно не знал, куда себя деть! Время, еле тянувшееся с вечера, к утру для него практически остановилось. Максим Сергеевич пил кофе и внимательно изучал историю болезни мальчика. А Касьянов, вызвавшийся ему ассистировать Максиму, радостно приплясывал вокруг него. Когда Максим Сергеевич шел по коридору в операционную, мать больного парня, узнавшая о благой для себя вести, кинулась к врачу и пыталась на ходу целовать его руки. (*Вздыхает.*) Но Максим лишь грубо отстранил ее.

1-ОЙ СОЛДАТ. И как операция кончилась? Обошлось?

АНДРЕЕВНА. Да. Случай и, правда, был непростой, нетипичный. Операция шла без малого пять часов. И лишь благодаря мастерству и золотым рукам кардиохирурга мальчик был спасен. Стягивая с рук перчатки, Максим Сергеевич, смертельно уставший, еле стоящий на ногах, чувствовал, что совершенно опустошен внутри. Медсестры плакали и поздравляли его и друг дружку. Касьянов с покрасневшей от долгого напряжения физиономией, нервно икал и говорил, что непременно сегодня напьется, и не просто напьется – а в хлам. Для всех них – опытных и выдавших всякое медиков – эта сложная и уникальная по тем временам операция была чем-то из разряда чудес. Но самым удивительным было то, что в тот самый миг, когда жизни мальчика перестала угрожать опасность, в окно операционной проник солнечный луч и зажег хромированные стойки стола ослепительным светом. Тот золотой луч солнца знаменовал окончание снегопада. А значит, у Максима Сергеевича были все шансы вылететь сегодня вечером.

В коридоре операционную бригаду ждала постаревшая на целую жизнь мать. В ее бегающих глазах читался всего лишь один вопрос. И ответом ему была глуповато-счастливая улыбка доктора Касьянова. Мать мальчика кинулась благодарить Максима, но тот, ткнув пальцем в потолок, сухо и равнодушно сказал: благодарите небеса, пославшие этот чертов снегопад. Ах, если б он только знал... если бы знал...

2-ОЙ СОЛДАТ. Ну, теперь-то доктор смог вылететь?

АНДРЕЕВНА. Да, тем же вечером, с опозданием на сутки. Ночь он провел в гостинице при аэровокзале. А утром сел на автобус, идущий до одного из райцентров. Дальше путешествие Максима Сергеича было уже не столь комфортным...

КАРТИНА 6

Голос Андреевны затихает. Затемнение. В темноте слышится нарастающее тарыхтение трактора.

ТРАКТОРИСТ. Ну вот, мил-человек, отсюда направо потопаешь. Вон за тем пригорочком Стакановка и будет. А мне направо, стало быть, в Курносовку, раскудри твою в качель!

МАКСИМ. Спасибо за доставку.

ТРАКТОРИСТ. Та не за што. Хиба мне жалко, хорошему человеку пособить, ангидрит твою перекись марганца!

МАКСИМ. Не скажи, выручил. А то и не знал бы как добраться.

ТРАКТОРИСТ. Тю, смешной. А че тут знать? Автобус-то в Стакановку по средам да субботам, не читал што ли? Послезавтрева на автобусе бы и почапал, ешкин-матрешкин поперек кабины в кузов.

МАКСИМ. Не друг, не могу я до послезавтра ждать. Хорошо, что ты вот подвернулся.

ТРАКТОРИСТ. Ясен пень, что хорошо! Ладно, некогда мне тут лясы точить. Будь здоров, не кашляй, расквadrat твою гипотенузу!

Загорается свет. Максим Сергеевич с портфелем в руке подходит к Стакановке. У забора крайнего дома рядом с калиткой, упершись одной ногой в кособокую скамейку, стоит и внимательно смотрит на приближающегося Максима Аким Мироныч.

АКИМ МИРОНЫЧ (*обернувшись*). Ну-тка глянь, Марфуша, каку важну птицу к нам занесло. Вышагивает, что твой гусак. Иш-шо и с портфелем.

МАРФА (*самой не видно, только голос*). Ой, неколи мне, Мироныч, на птиц всяких любоваться. Дел по горло.

МАКСИМ (*подходит ближе, делая вид, что не слышал переклички Мироныча с Марфой*). Здравствуйте.

АКИМ МИРОНЫЧ. И тебе не хворать.

МАКСИМ. Не подскажите, как пройти к сельсовету?

АКИМ МИРОНЫЧ (*прикладывая руку к уху, будто глухой*). Куда? К сельсовету? Это ты, брат, опоздал. Закрылся сельсовет.

МАКСИМ (*смотрит на часы*). Уже? На обед или как?

АКИМ МИРОНЫЧ. Или как! Совсем накрылся сельсовет.

МАКСИМ. То есть как?

АКИМ МИРОНЫЧ. А вот так – сверху медным тазом!

МАКСИМ. Погодите, что-то я не пойму, вы шутите?

АКИМ МИРОНЫЧ. Эх, ты, шляпа! Ты что не в курсе, что сельсоветов более нет? Канули в небытие вместе со страной советов.

МАКСИМ. Пойдите, но должно же... быть что-то?

АКИМ МИРОНЫЧ. Конечно, должно. И я тебе больше скажу: есть! Администрация! Понял? То-то.

МАКСИМ. Тьфу ты, запутали меня совсем. А как пройти в администрацию?

АКИМ МИРОНЫЧ (*оживившись*). О, ну это совсем просто. Пройдешь по улице до развилки, там возьмешь влево, метров через триста перейдешь по мостику через Кривой ручей. Дальше иди вдоль ручья до мельницы, за мельницей будет Тришкин луг, так ты напрямки по нему топай до лесополосы, с полверсты будет. За лесопосадкой увидишь дома, там спросишь. Только спрашивай, где контора или правление. А то ведь у нас народ как, предпочитает по старинке, по простому.

МАКСИМ. Ну-ну. Что-то далековато, нет?

АКИМ МИРОНЫЧ. А ты как хотел? У нас, вишь ты, позатот год Стакановку с Косиловкой объединили, и администрацию в Косиловке поставили. Что ж ты хошь, молодежь с деревни бегёт, деревня мрет. Сам погляди: народу мало – хаты по пальцам пересчитать можно. Так чего ж на каждые две избы администрацию заводить?

МАКСИМ (*собираясь идти*). Ну, в Косиловке так в Косиловке...

АКИМ МИРОНЫЧ. Только зря ты в администрацию сейчас идешь.

МАКСИМ. Это почему?

АКИМ МИРОНЫЧ. А нет там никого.

МАКСИМ. А этот... как его... председатель?

АКИМ МИРОНЫЧ. Фу ты, ну ты! Какой председатель? Эй, Марфа, иди, глянь какой непонятливый выискался!

МАРФА (*самой не видно, только голос*). Отстань, Мироныч. Я белье вешаю!

АКИМ МИРОНЫЧ. Ты што? Какой председатель? *(Поднимает указательный палец вверх с очень важным видом.. По-нонешнему: глава сельской администрации. Усвоил, шляпа?*

МАКСИМ *(начиная нервничать)*. А вы точно знаете, что главы сейчас нет в администрации?

АКИМ МИРОНЫЧ. Абсолютно! Хошь побожусь?

МАКСИМ *(раздраженно)*. Не надо. И какого хрена кучерявого глава этот в рабочее время на рабочем месте отсутствует?

АКИМ МИРОНЫЧ. Так может он хозяйство инспектирует? Может, ходит, окидывает, так сказать, хозяйским взглядом вверенный ему участок.

МАКСИМ. Как я погляжу, вы вроде бы хорошо осведомлены? Так может, вы в курсе, где этого главу найти можно?

АКИМ МИРОНЫЧ *(важно и многозначительно)*. Может и в курсе.

МАКСИМ. И где?

АКИМ МИРОНЫЧ. Дык здесь! Я – и есть глава, самый настоящий. *(Отвешивает шутливый поклон.)* Аким Мироныч, прошу любить и, как говорится, жаловать!

МАКСИМ *(задыхаясь от возмущения)*. Так что ж ты... какого черта лысого... ты мне мозги компостируешь?... ах, ты ж... ешкин-матрешкин, раскудрить твою черешню, пес ты шелудивый, мать твою растак-разэдак, чертополох ты ушастый, плашмя тебя и поперек, мозгокной ты старый!..

АКИМ МИРОНЫЧ *(удивленно, но радостно)*. О! Слыхала, Марфа?! По-русски забалакал. Оказывается, свой человек. А то гляжу поначалу, что за фрукт? Весь такой важный, тоси-боси. Думаю: не из области ли кто с ревизией пожаловал? Ан нет. Звиняйте, сразу не признали. Да ты не кипятись! Пар-то чай спустил маленько и буде. *(Показывает на скамейку, садится сам.)* Присаживайся, в ногах правды нет. Садись и рассказывай: каки-таки дела привели тебя, мил-человек, в Стакановку?

МАКСИМ *(присаживаясь рядом)*. Вот у меня какое дело, Аким Мироныч. Разыскиваю я в ваших краях одну женщину, Свиридову Марью Андреевну.

АКИМ МИРОНЫЧ. Маньку? *(С подозрением.)* А пошто она тебе?

МАКСИМ. Дело у меня к ней. Так, где ее найти?

АКИМ МИРОНЫЧ. Какое-такое дело? Да ты не кривись. Думаешь, не в свои оглобли мужик впрягается? Ты, пойми: я – тута власть, нравится тебе это или нет. И как власть, я обязан знать, какого рожна ты тут об односельчанах моих справки наводишь.

МАКСИМ *(поразмывлив)*. А я, Аким Мироныч, разыскиваю гражданку Свиридову по поводу вступления оной гражданки в наследство. *(Похлопывает по портфелю.)* Родственник у нее дальний недавно помер, ну и оставил ей кой чего.

АКИМ МИРОНЫЧ *(потирая руки)*. И много оставил?

МАКСИМ. Ну, так. Нормально.

АКИМ МИРОНЫЧ. Вона че! Подфартило-таки Маньке. Слышь, Марфа?! Подружке твоей как повезло? Наследство!

МАРФА (*самой не видно, только голос*). Дай бог. Намаялась она, бедолага.

АКИМ МИРОНЫЧ. Эт верно. Настрадалась – на троих хватит.

МАКСИМ. А что такое?

АКИМ МИРОНЫЧ. Да как што? Муж у нее пьющий был, запойный. А как напьется, так гоняет ее по двору с дитем. Рази это жисть? Она-то бедняжка старалась, крутилась, как могла. А что толку? Крестьянскому дому крепкая мужская рука требуется. Во, видал?! (*Демонстрирует Максиму свой вяленький бицепс.*) Да. А как-то перед Троицей Манькин благоверный пошел спьяну на рыбалку, да и не вернулся. Утоп, на другой день токо нашли. И так ей здесь несладко жилось, а тут совсем туго стало. Ведь если раньше, но все же был муж – пусть плохонький, никудышный, но когда ему трезвым случалось быть, все ж бабе подмога была. А тут осталась одна с дитем. Так что твое наследство ей аккурат в масть будет!

МАКСИМ (*поднимаясь*). Где мне ее найти?

АКИМ МИРОНЫЧ (*тоже поднимается, вздыхая и разводя руками*). Не знаю.

МАКСИМ. Слушай, Мироныч, кончай свои шуточки! У меня дело серьезное, а ты мне голову морочишь.

АКИМ МИРОНЫЧ. Но-но, полегше на поворотах. Как есть, так и говорю: не знаю где она. Уехала Манька от нас, давно уехала – лет восемь уж как. Она ж не здешняя, городская, за мужем к нам пожаловала. А тут што? Работы никакой, а грядками особливо не прокормишься. Да и дите хворало – то лекарство нужно, то к врачу, то еще что. А тут в школу практикантку прислали. Она, вертихвостка, тут полгода поработала и свалила. А Манька за ней увязалась.

МАКСИМ. Тупик! И где ж ее теперь искать?

АКИМ МИРОНЫЧ. Хрен ее знает. (*Чешет затылок.*) Хотя постой! Кажись, она Марфе писала. Они вроде как дружились меж собой. (*Вытягивает открытую ладонь вперед.*) Щас, выясним все в лучшем виде. Эй, Марфа!

МАРФА (*самой не видно, только голос*). Че?

АКИМ МИРОНЫЧ. Подь сюды.

МАРФА (*самой не видно, только голос*). Отстань, Мироныч! Некогда мне с вами лясы точить.

АКИМ МИРОНЫЧ. Подь, говорю, дело сурьезное.

К калитке выходит Марфа. Одета просто, по-домашнему. Через плечо переброшена мокрая простыня.

МАРФА. Ну?

АКИМ МИРОНЫЧ. Коромысла гну! Тебе Манька Свиридова письмо присылала?

МАРФА. Ну.

АКИМ МИРОНЫЧ. Вот разнукалась, окаянная! Адрес Манькин помнишь?

МАРФА. Что мне голову больше нечем забивать?

АКИМ МИРОНЫЧ. Ага, знамо дело, чем твоя башка забита: как половчее к Селивану, задрав подол сбегать.

МАРФА. Тьфу, на тебя, старый хрыч! *(Поворачивается, собираясь уйти.)*

МАКСИМ. Пойдите. Марфа, не знаю, как вас по отчеству. А само письмо у вас не сохранилось?

МАРФА. Не знаю, надо в комод глянуть.

МАКСИМ. Посмотрите, пожалуйста. Это очень важно.

МАРФА. Ну ладно. *(Акиму Миронычу.)* Вот, Мироныч, учись, как с людьми разговаривать надо. С обхожденьицем! А ты привык коровами помыкать. *(Уходит.)*

АКИМ МИРОНЫЧ *(сплюнув)*. Вот зараза! Ишшо меня учить будет.

МАКСИМ. Да ладно, Аким Мироныч. Не обращай внимания.

Появляется Марфа. В ее руке потрепанный конверт. Протягивает его Максиму.

МАРФА. Вот. Манька, как уехала, так вскорости отписалась. Только я не ответила ей. Не, ну а че писать-то? Сколь картошки собрали или какое лето дождливым выдалось? Да и не люблю я писанину эту.

АКИМ МИРОНЫЧ. Знамо дело, какую писанину любишь – Селиванову!

МАРФА. Вот щас как приглажу тебя мокрым полотенцем по хребтине!

МАКСИМ *(торопливо выдергивает из рук Марфы конверт)*. Я сейчас верну – только адрес перепишу. *(Достает из портфеля блокнот и ручку, начинает писать.)* Не может быть!

АКИМ МИРОНЫЧ *(испуганно заглядывая через плечо Максима)*. Што такое?

МАКСИМ *(трясет конвертом)*. Адрес-то ростовский!

АКИМ МИРОНЫЧ. Фу ты! И што?

МАКСИМ. Так я к ней из Ростова и приехал. Нет, ну надо же, мы с ней даже на одной улице живем. А я такой путь проделал – уму непостижимо!

АКИМ МИРОНЫЧ. Ну эт ишло ничего! Главное, что нашел.

МАКСИМ (*возвращает конверт Марфе*). Слушай, Мироныч, а как бы мне теперь до райцентра добратся?

АКИМ МИРОНЫЧ. Так послезавтра автобус будет. У нас ведь как автобус ходить...

МАКСИМ. Знаю, просветили уже: по средам и субботам. А что ж мне делать?

АКИМ МИРОНЫЧ. Так што, оставайся. Ты, я вижу, человек хороший, душевный Я тебя такими огурчиками угощу хрустящими. Они под водочку само то! А? Оставайся. Я и баньку истоплю, а с утра рыбалочку организую. У нас знаешь, как окунь берет? У, чисто крокодил наживку заглатывает. Оставайся, а послезавтра поедешь.

МАКСИМ. Да ты что, Мироныч?

АКИМ МИРОНЫЧ. Ну а што? Оставайся. У нас здесь все по-простому, зато воздух чистый, не то, что в городе. Оставайся, будет с кем хоть поговорить. А то воюю тут с бабами, понимаешь.

МАКСИМ. Да как то...

АКИМ МИРОНЫЧ. Да че тут думать? Автобуса все равно до послезавтра не видать. А пешком не потопаешь. Оставайся...

КАРТИНА 7

Голос Акима Мироныча затихает. Затемнение. В темноте слышатся шаги поднимающегося по лестнице человека. Человек останавливается. Голос Максима: «Так, вроде здесь». Настойчиво звенит дверной звонок. Затем раздается приглушенный женский голос: «Кто там?»

МАКСИМ. Свиридова Марья Андреевна здесь проживает?

Кладет дверной замок. Дверь открывается. Загорается свет. На пороге в линялом халатике, непричесанная и не покрашенная стоит Она.

ОНА. Вы ко мне?

МАКСИМ (*с коробкой конфет подмышкой, с букетом в одной руке, и бутылкой шампанского в другой*). Ой! (*Узнает в хозяйке мать прооперированного им мальчика.*) Вы!!! Это – вы?!

ОНА. Я, но... (*В свою очередь узнает в госте Максима.*) Максим Сергеевич? Ой, я же... извините, я не ждала гостей... я на секундочку.

Свет гаснет – дверь захлопывается. Через минуту свет загорается. За круглым кухонным столиком напротив друг друга сидят Максим и Она. У него в руке чашка с чаем. Она в нарядной блузке и юбке, причесана и со сделанным наспех макияжем. На столе принесенный Максимом букет в трехлитровой банке. Бутылка шампанского стоит неоткрытой.

МАКСИМ. Вот такая история.

ОНА. Невероятно! Баба Люба часто рассказывала о сбитом летчике. Все гадала, пришел ли домой с войны, выжил ли? Дедушка ведь не так и вернулся...

МАКСИМ. Я знаю. Мария...

ОНА. Зовите меня, Марусей. Мне так привычней.

МАКСИМ. Хорошо. Маруся, я хочу, чтобы вы знали: мой дед до самой смерти вспоминал вашу бабушку и считал себе перед ней в неоплатном долгу. Потому и попросил меня найти ее родственников.

ОНА. Значит, когда мы виделись в последний раз, вы собирались на *мои* поиски?

МАКСИМ. Да. В тот самый час, как вы меня умоляли остаться, чтобы прооперировать сына, я думал о том, как бы мне разыскать вас и исполнить дедов наказ. Мыслями я уже был в этой богом забытой Стакановке.

ОНА (*удивленно*). Вы были в Стакановке?

МАКСИМ. Представьте себе. И даже пару дней погостил у Акима Мироныча. Вынужденно, правда. В эту вашу Стакановку не так-то просто попасть, но еще труднее из нее выбраться.

ОНА (*смеется*). Что есть, то есть! Сама еле вырвалась

МАКСИМ. Кстати, вам и Марфа привет передавала, и Мироныч кланяться велел.

ОНА. Как они там?

МАКСИМ. По-моему, нормально. Марфа все хлопочет по хозяйству. А Мироныч теперь у них главой администрации заделался.

ОНА (*качая головой*). Да ну? Важничает, небось, что в начальство выбился? Чудеса, да и только! Хотела бы я хоть одним глазком на них глянуть. Я ж давно из Стакановки уехала, Васенька еще совсем маленький был.

МАКСИМ (*хлопает себя по лбу*). Вот растяпа, даже не спросил: как там Вася?

ОНА (*оживившись*). Ой, что вы! Все хорошо! Идет на поправку, сегодня уже встал! Дмитрий Олегович говорит: если так дальше пойдет, через недельки две выпишут. А все благодаря вам, Максим Сергеевич...

МАКСИМ. Давайте уже, без Сергеичей. Просто – Максим.

ОНА. Хорошо, Максим. Если б не вы тогда Васеньку...

МАКСИМ. Я? Мне даже страшно представить, что бы я делал, если б тогда улетел и с вашим Васей не дай бог... в общем, случилось бы непоправимое. Как бы я мог после этого заявиться к вам? Как цинично бы прозвучал мой вопрос: «Чем я могу помочь, Маруся?» Да вы бы меня моим же букетом отхлестали да с лестницы бы спустили. И были бы правы!

ОНА. Но ведь все обошлось.

МАКСИМ. Да, но я никак не приду в себя. Каков парадокс! Вы сами, сами пришли ко мне за помощью, а я?... нет, это уму непостижимо! Господи, если бы не этот снегопад! А как я ругал его тогда, как проклинал. Вот уж поистине его небеса послали!

ОНА. А может *неслучайно* в тот день снег пошел?

МАКСИМ. Вы тоже так считаете? Я сам об этом же думал. Когда стоял в подъезде, приходил в себя и ждал, пока вы Маруся... в общем, марафет наводили. Я гадал: что это? Мистика? Но я в такие вещи не верю... по крайней мере, не верил до этого дня. Стечение обстоятельств? Но их слишком много, и уж больно удачно все для всех сложилось. И тогда я решил... только не смейтесь, обещайте мне...

ОНА. Что вы, и в мыслях не было.

МАКСИМ. Короче, я решил, что не иначе это мой дед вмешался. Ведь дед Серафим сейчас в том мире, где уже нет тайн, все явно. Он быстрее меня «нашел» вас, и не дал, не позволил мне улететь, пока я не помог вашему сыну. (*Хватается за голову.*) Боже, что за бред я несу!

ОНА. Ну почему же бред? В жизни всякое бывает. Не зря же говорят: пути господни неисповедимы.

МАКСИМ. И что это значит?

ОНА. А это значит, что иногда и чудеса случаются. Вы слышали про закон бумеранга?

МАКСИМ. Нет.

ОНА. Этот неписанный закон гласит: каждый наш поступок, каждое деяние обязательно вернется к нам. Добро – добром, а зло – таким же черным злом.

МАКСИМ. Ясно. Что посеешь, то и пожнешь.

ОНА. Можно и так сказать. (*Страстно.*) Но ведь не всегда думаешь, чем обернется тобой посеянное. А ведь перед людьми часто встает вопрос выбора: сотворить добро либо зло. Или может быть, ничего не предпринимать, оставить всё на волю случая?! Как быть?

МАКСИМ (*заворожено*). И как?

ОНА. Да очень просто. Слушать своё сердце, искать внутри себя правильный ответ. Порой достаточно малой искорки, чтобы душа почувствовала, что кому-то нужна помощь и вдруг откликнулась на призыв совершенно незнакомого человека. Помогая другим бескорыстно, мы запускаем Бумеранг Добра. Помогая другим – мы помогаем себе!

МАКСИМ. И этот бумеранг всегда возвращается?

ОНА. Да! Пусть не так быстро и чаще всего совсем не в том виде, в котором мы ожидаем, но бумеранг возвращается непременно. Вот вы деда вспомнили, а мне на ум пришла баба Люба. Тогда во время войны, рискуя жизнью, она помогла попавшему в беду летчику и тем самым запустила бумеранг добра. И тот, проделав долгий путь, вернулся спустя полвека, но вернулся вовремя. Очень вовремя.

МАКСИМ. И, слава богу! Но каюсь: я заслуживал, чтобы этим бумерангом меня, как следует, треснуло по башке. Стыдно вспоминать, каким я упрямым ослом был.

ОНА. Не, корите себя, Максим. Хорошо, что все хорошо кончается.

МАКСИМ. Звучит как тост. (*Берет в руки бутылку шампанского.*) По-моему, за это нужно выпить!

ОНА. Я не против. Открывайте...

КАРТИНА 8

Наши дни. Ростов-на-Дону. Палата окружного военного госпиталя.

АНДРЕЕВНА. Но на этом история не заканчивается. Что-то зажглось в тот вечер в сердцах Маруси и Максима. И как-то так само собой вышло, что закоренелый холостяк стал частым гостем в квартире Маруси. А спустя год они поженились, и Максим Сергеевич заменил отца спасенному им мальчику.

3-ИЙ СОЛДАТ. Да, не слабый поворотец!

АНДРЕЕВНА. А вы говорили мне, что чудес не бывает! Бывают: и чудеса, и магия добра, и волшебство любви. Главное: иметь чистое сердце, а в нем веру и любовь, и капельку надежды. И тогда обязательно все будет хорошо.

2-ОЙ СОЛДАТ. Говорите, поженились? И чем все кончилось? (*С долей ехидцы.*) А, знаю! Наверное, так: они жили долго и счастливо и умерли в один день?

АНДРЕЕВНА. Почему умерли? Живы и здоровы до сих пор.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Сдается мне, что вы все выдумали. Выдумали, чтобы утешить меня. И рассказывали ночь напролет, лишь бы удержать меня от... глупостей.

АНДРЕЕВНА. Я рассказала эту историю, чтобы приободрить тебя, чтобы ты поверил в то, что ничего для тебя не закончилось. Почему ты считаешь, что я все выдумала?

1-ЫЙ СОЛДАТ. Не знаю, гладко как-то все вышло. Так не бывает. Вернее, так бывает только в кино.

3-ИЙ СОЛДАТ. Причем хэппи-эндом, как правило, заканчивается плохое кино.

2-ОЙ СОЛДАТ. А может и в самом деле, тетенька, вы нам фильмец какой пересказывали?

АНДРЕЕВНА. Не знаю, как там с кино, но я рассказала чистую правду.

1-ЫЙ СОЛДАТ. А откуда вам известна эта история?

АНДРЕЕВНА (*улыбаясь*). Все просто. Я и есть та самая Маруся, внучка Любаши. И это моего сына спас Максим Сергеевич. А когда мы с ним поженились я, чтобы быть ближе к мужу, ушла из школы, пошла работать в больницу – сначала санитаркой, потом – когда закончила училище – медсестрой. А мой сын, Василий, по примеру отчима после школы пошел в медицинский. Он тоже стал хирургом, военным хирургом. (*Гладит 1-ого солдата по голове.*) И самое главное, мой хороший, это он, мой сын, будет уже через пару часов бороться за твою ногу.

2-ОЙ СОЛДАТ. Не фига се!

3-ИЙ СОЛДАТ. Бляха-муха!

АНДРЕЕВНА (*1-ому солдату*). И ты, миленький, должен думать не о глупостях, что ты поминал, а о том, что чудеса случаются. То, что мой сын двадцать лет назад остался жив и стал врачом – чудо, ставшее возможным благодаря бумерангу, вернувшемуся мне в награду за добро, посеянное еще моей бабкой! И ты верь, непременно верь: и в чудо, и в то, что мой сын сделает все возможное и невозможное, чтобы ты побегал еще по этой земле.

Слышится радостный женский голос в коридоре за дверью. «Доброе утро, Василий Максимыч»!

ВАСИЛИЙ. (*В коридоре*). Доброе! Ты, Ритуля, сегодня сногшибательна и неотразима!

С кокетливым хихиканьем в ответ: «Скажете тоже, Василий Максимыч».

ВАСИЛИЙ. (*В коридоре, но уже ближе*). Пятая, что у нас здесь? Так. Осколочное ранение нижних конечностей. Что ж готовим к операции. И в темпе вальса – через часок начнем.

Заходит в палату, где с удивлением обнаруживает Андреевну.

Привет, мам! А ты разве не выходная сегодня? *(Андреевна утвердительно кивает.)* А чего ж... а-а! понимаю, ты со вчерашнего дня здесь?

АНДРЕЕВНА *(устало поднимается)*. Так получилось. Заболтались мы что-то...

ВАСИЛИЙ *(Андреевне)*. Знаем мы ваши душеспасительные беседы. Ну, ни дать, ни взять: вылитая мать Тереза! Все, марш домой и отдыхать!

АНДРЕЕВНА. *(Солдатам)*. Видите, какой он строгий у меня? Слушайтесь его. *(Идет к двери, оборачивается и обращаясь к 1-ому солдату.)* Все будет хорошо! Верь мне. *(Уходит.)*

ВАСИЛИЙ *(подходя к 1-ому солдату)*. Ну что, герой, будем штопать ноги?

1-ЫЙ СОЛДАТ. Так точно. *(Широко улыбаясь.)* Будем, обязательно будем!

Занавес.

Апрель-май 2014